

УДК 551.510.536

© 1990 г.

К. И. Грингауз, В. С. Бассоло

**СТРУКТУРА И СВОЙСТВА ПЛАЗМОСФЕРЫ ЗЕМЛИ.
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ И ПРОБЛЕМЫ
ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
(Обзор)**

Обсуждаются результаты прямых измерений концентрации и температуры плазмы, а также массового и зарядового состава ионов плазмосферы; в основном использованы данные, полученные за последнее десятилетие. Показано, что эти данные подтверждают существование двух зон в плазмосфере; внутренней ($L < 3$) — стабильной, квазистационарной и холодной ($T_i \approx 0,8$ эВ) и внешней — обычно теплой ($T_i > 1$ эВ), существенно нестационарной, с большими продольными градиентами параметров.

Граница внешней зоны — плазмопауза — четко выражена в вечерне-ночные часы и обычно размыта в дневном секторе, имеет сложную нестационарную структуру, сильно меняется в зависимости от геомагнитных условий и обладает асимметрией по местному времени, причем надежно выделяются вечерний и полуденный выступы плазмопаузы в экваториальной плоскости.

Сопоставление этих данных с теоретическими представлениями приводит к выводу, что в настоящее время не существует общепринятой модели, адекватно описывающей все основные особенности наблюдаемой структуры и динамики плазмопаузы.

1. Введение

Со времени последней публикации на русском языке обзора результатов исследования плазмосферы Земли [1] прошло более 10 лет. За это время накопился обширный экспериментальный материал, полученный со спутников «Прогноз-5-8»; ISEE-1, -2; GEOS-1, -2; DE-1, -2. Эти данные отчасти подтвердили прежние сведения о структуре и динамике плазмосферы, отчасти позволили уточнить и расширить представления о ее свойствах, а также стимулировали дальнейшее развитие теоретических моделей плазмосферы. На русском языке вышли две монографии, посвященные физическим процессам в плазмосфере [2, 3], однако обе работы охватывают главным образом теоретические задачи моделирования физических процессов в холодной околоземной плазме, причем авторы монографии [2] И. А. Кринберг и А. С. Тацилин, базируясь на экспериментальных данных, опубликованных в 70-е годы и теоретических концепциях того времени, практически игнорируют некоторые существенные экспериментальные данные о форме плазмопаузы, приведенные еще в об-

зоре [1] и подтвержденные экспериментами в 70–80-х годах, а в области теории плазмопаузы по существу продолжают базироваться на концепции, предложенной Нишидой и Брайсом еще в 1966 г. Эти вопросы более подробно обсуждаются ниже.

Цель настоящей публикации — дать современный обзор основных экспериментальных результатов исследования плазмосферы Земли за последнее десятилетие в сопоставлении с прежними данными. Рассматриваются следующие аспекты: тепловая структура плазмосферы и распределение концентрации ионов и электронов, химический и зарядовый состав плазмосферы и, наконец, динамика внешней зоны плазмосферы и плазмопаузы, а также их связь с основными структурами в магнитосфере в свете современных теоретических представлений.

2. Распределение температуры и концентрации плазмы в плазмосфере

2.1. Измерения со спутников серии «Прогноз». Спутники серии «Прогноз» (по спутник «Прогноз-8» включительно) запускались на практически одинаковые орбиты с апогеем 200 000 км, с наклоном к экватору 65° и периодом обращения вокруг Земли ~ 4 сут: ось вращения спутника направлена на Солнце. Спутник в течение сравнительно короткого интервала времени (~ 3 ч) пересекает один и те же L -оболочки на различных высотах и широтах и позволяет судить о параметрах плазмосферной плазмы в различных сечениях одной и той же L -оболочки.

Результаты обработки измерений концентрации и температуры ионов плазмосферы со спутников «Прогноз-5,-6» подробно описаны в статьях [4, 5]. В этих работах приведены наиболее типичные кривые профилей $n_i(L)$, $T_i(L)$ с учетом геомагнитной предыстории наблюдаемой картины распределения ионов (сумма K_p -индексов магнитной активности за предшествующие сутки, а также величины D_{st} -вариаций геомагнитного поля в период наблюдений). Сформулируем основные выводы анализа результатов обработки этих измерений (рис. 1):

- 1) плазмосфера часто весьма неоднородна по концентрации плазмы и ионной температуре, особенно в районе плазмопаузы;
- 2) полуночно-полуденная асимметрия плазмопаузы имеет место в большинстве случаев при малой и умеренной магнитной возмущенности, что подтверждается данными других измерений, однако такая асимметрия наблюдается не всегда;
- 3) дневной профиль $n_i(L)$ в большинстве случаев является более пологим, чем ночной;
- 4) четко выраженная плазмопауза в виде области быстрого спада концентрации плазмы может наблюдаться либо на дневной и на ночной стороне плазмосферы, либо только на дневной или только на ночной стороне, либо вообще отсутствует, т. е. спад концентрации плазмы с увеличением L иногда может быть постепенным;
- 5) внутренняя зона плазмосферы ($L < 3$), как правило, холодная ($T_i \approx 8 \cdot 10^3$ К);
- 6) во внешней части плазмосферы может наблюдаться теплая плазма: (а) на дневной и на ночной стороне ($T > 8 \cdot 10^3$ К); (б) только на ночной стороне; (в) только на дневной стороне;
- 7) в очень редких случаях условие $T \approx 8 \cdot 10^3 - 10^4$ К выполняется во всей плазмосфере (теплая зона отсутствует).

Таким образом, измерения со спутников «Прогноз» позволяют заключить, что плазмосфера является динамичным образованием — структура плазмосферы сильно меняется со временем и уровнем геомагнитной активности. Кроме того, структурные особенности (наличие или отсутствие четко выраженной плазмопаузы, наличие и протяженность теплой зоны, экваториальное расстояние до плазмопаузы L_{pp} , плавность хода профилей $n_i(L)$ и $T_i(L)$) обнаруживают сильную зависимость от местного времени. Измерения со спутников серии «Прогноз» позволили обнаружить две важные структурные особенности плазмосферы: полуденно-полуночную

n_i
10⁴
10²
10⁰

Рис. 1.
(темны
сфере
(16.03.7

асимметрию
зультаты по
ряд исследо
фактах подр

2.2. Пол

плазмосфер
подтвержде
по данным
ного волнов
взаимного
ной плазмос
вого экспери
ченным в 19
ний, величин
и значитель
что вполне
«Прогноз».
находятся
в 1972 г.; в
паузы в на
нечного диа
наличие это
к обсужден
зики плазм

2.3. Теп

о температу
ченые Гр
ской раке
ника OGO-
малых на
Грингауза
показано, ч
тора, но во
как состоя
($L > 3$, $T_i \geq 10^4$)
зону называ

После 1

в области
инценции,
более под-

зных экс-
а послед-
риваются
еделение
тав плаз-
мопаузы,
ете совре-

ки серии
на прак-
и к эвато-
спутни-
ского ш-
а различ-
осферной

ры ионов
в статьях
профилей
картины
за пред-
ного поля
а резуль-

и плазмы

место в
ценности,
симметрия

более по-

спада кон-
рчной сто-
й стороне,
ичением L

холодная

ая плазма:
на ночной

няется во

ют заклю-
структура
итной ак-
отсутствие
лой зоны,
профилей
о времени.
ужить две
луночную

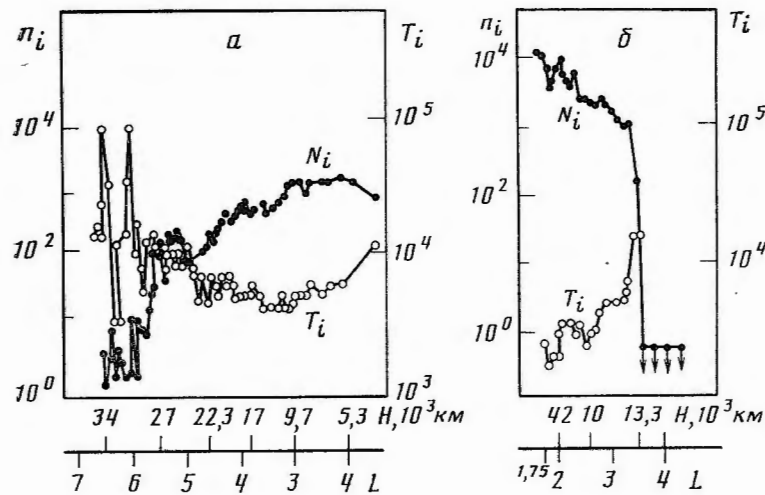

Рис. 1. Пример типичного распределения по L -оболочкам концентрации (темные кружки) и температуры (светлые кружки) ионов в плазмосфере по измерениям со спутника «Прогноз-5»: a — дневные профили (16.03.77 г., 10.15–11.50 MLT, $K_{pm}=3$, $\Sigma K_p=14$, $D_{st}=-20$); b — ночные профили (08.02.77, $K_{pm}=4$, $\Sigma K_p=25$, $D_{st}=-27$) [4]

асимметрию плазмосферы и наличие теплой зоны плазмосферы. Эти результаты подтвердились в дальнейшем по другим данным, по поскольку ряд исследователей продолжает их игнорировать, остановимся на этих фактах подробнее.

2.2. Полуденно-полуночная асимметрия плазмосферы. Это свойство плазмосферы после его обнаружения Грингаузом и Безруких [6] было подтверждено по данным двойного зонда на спутнике «Explorer-45» [7], по данным наблюдений свистящих атмосфериков [8] и по данным активного волнового эксперимента на спутнике GEOS-1 («измерения методом взаимного импеданса») [9]. Это различие свойств полуденной и полуночной плазмосферы было подтверждено по данным другого активного волнового эксперимента — релаксационного зонда со спутника GEOS-2, полученным в 1979 г. [10]. Как показывает анализ результатов этих измерений, величины n_e в полдень существенно выше и стабильнее, чем меньшие и значительно более сильно разбросанные значения n_e вблизи полуночи, что вполне соответствует результатам, полученным со спутников серии «Прогноз». Данные спутника «Прогноз-5» (1977 г.) и GEOS-2 (1979 г.) находятся в согласии с данными со спутника «Прогноз», полученными в 1972 г.; все вместе они свидетельствуют о том, что асимметрия плазмосферы в направлении полдень — полночь наблюдается во всех фазах солнечного цикла. Измерения на спутниках DE и ISEE также подтвердили наличие этой важной особенности плазмосферы, так что мы еще вернемся к обсуждению этого вопроса, учитывая его очевидную важность для физики плазмосферы и проблемы циркуляции магнитосферной плазмы.

2.3. Теплая зона в плазмосфере. До 1976 г. единственными данными о температуре заряженных частиц в плазмосфере были оценки T_i , полученные Грингаузом с сотрудниками на основе измерений [11] на советской ракете «Луна-2», и данные Сербу и Майера о T_i и T_e [12] со спутника OGO-5; причем измерения Сербу и Майера были проведены при малых наклонениях к экваториальной плоскости. В работе Безруких и Грингауза [13] приведены данные о T_i в различных сечениях L -оболочек; показано, что при $L < 3$, $T_i \leq 8 \cdot 10^3$ K не только вблизи геомагнитного экватора, но во всей плазмосфере, и предложено рассматривать плазмосферу как состоящую из «холодной» зоны ($T_i \leq 8 \cdot 10^3$ K) и «горячей» зоны ($L > 3$, $T_i \geq 10^4 - 2 \cdot 10^5$ K, как отмечалось выше); целесообразнее «горячую» зону называть «теплой» зоной плазмосферы.

После 1976 г. опубликовано много экспериментальных данных, сви-

детельствующих о том, что при $L > 3$, $T_i \sim 1-20$ эВ. Большинство этих публикаций относятся к зоне, близкой к экваториальной плоскости, — данные получены со спутников ATS-6, GEOS-1, -2, ISEE-1, SCATHA [9, 14-19]. Единственным спутником (кроме спутников серии «Прогноз»), проводившем измерения в плазмосфере достаточно далеко от экваториальной плоскости, является спутник DE-1. Все без исключения упомянутые измерения подтверждают существование «теплой» зоны в плазмосфере (хотя, как следует из приведенных выше данных «Прогноз-5», бывают случаи когда вся плазмосфера холодная — $T_i \lesssim 1$ эВ).

Согласно данным со спутника DE-1, 14.X.1981 г. при $L \sim 3,1$ обнаружены изотропные протоны с температурой $T_{H^+} \sim 2-2,2$ эВ и с концентрацией $n_{H^+} \approx 500-2000$ см⁻³, а также ионы He⁺ с такой же температурой и концентрацией n_{He^+} (140-165) см⁻³. Кроме того, там же обнаружены анизотропные протоны H⁺ с температурой $T_{H^+} \approx 10$ эВ и концентрацией (2-5) см⁻³ и ионы He⁺ с $T_{He^+} \approx 10$ эВ и $n_{He^+} \approx 3-2$ см⁻³.

Через несколько минут после этого, когда спутник DE-1 оказался на плазмопаузе ($L \sim 3,5$), концентрация изотропных ионов H⁺ уменьшилась до 130-160 см⁻³ при той же температуре ~ 2 эВ. Концентрация и энергия анизотропных ионов H⁺ увеличилась соответственно до 4 см⁻³ и 15 эВ. Не имея возможности в настоящем обзоре подробно останавливаться на методических вопросах, отметим лишь, что в первом случае анализатор с тормозящим потенциалом на «Прогноз-5» не мог бы обнаружить присутствия анизотропной компоненты плазмы с повышенной температурой, а дал бы общую температуру $T_i \sim 2,2$ эВ, а во втором (если анизотропные потоки попали бы в анализатор) — было бы отмечено повышение T_i .

Результаты плазмосферных измерений со спутника DE-1, таким образом, подтверждают концепцию холодной и «теплой» зон плазмосферы (при этом они содержат информацию о составе и детальной структуре «теплой» зоны). На некоторых энерго-спектрограммах со спутника DE-1 [20] «теплая» зона плазмосферы отчетливо различается от холодной зоны визуально.

2.4. Измерения со спутников DE-1 и ISEE. В предыдущем разделе мы упоминали некоторые результаты, полученные по данным спутника DE-1, в соответствии с результатами измерений концентраций и температуры в плазмосфере со спутников серии «Прогноз». К настоящему времени проведен значительный статистический анализ результатов измерений тепловой структуры плазмосферы и распределения ее ионной компоненты по L -оболочкам, полученных со спутников DE-1 и ISEE. На результатах этих работ целесообразно остановиться достаточно подробно.

Спутник DE-1 запущен в августе 1981 г. на околополярную орбиту с апогеем $\sim 4,7R_E$, перигеем ниже 1000 км и периодом обращения $\sim 7,5$ ч. Орбита спутника позволяла исследовать плазму L -оболочки как на больших, так и на малых высотах, выявляя высотное распределение параметров исследуемых L -оболочек. На борту спутника был установлен ионный масс-спектрометр с входным анализом ионов методом тормозящего потенциала (RIMS); детальное описание этого прибора приведено в работе Чепела и др. [21]. Энергетический интервал измерений прибора охватывал 0-50 эВ, причем ионы H⁺ и He⁺ регистрировались одновременно. Максимальная высота регистрации ионов определялась либо пределом чувствительности прибора, либо переходом от изотропного распределения по питч-углам к анизотропному продольному (вдоль магнитного поля) распределению ионов.

Спутник ISEE запущен в октябре 1977 г. на сильно вытянутую орбиту с апогеем $\sim 22,5R_E$, перигеем $\sim 2R_E$, наклоном $\sim 30^\circ$ и периодом обращения 2,5 сут. Аппаратура комплекса «эксперимента по исследованию состава плазмы» (PCE) описана в работе [22], а методика обработки и анализа данных — в [23]. Энергетический диапазон измерений в режиме «тепловая плазма» — 0-1 эВ. Температура вычислялась по измеренному полному потоку частиц в предположении чисто протонного состава (ошибки обычно невелики, учитывая преобладание протонов в ионном составе плазмосферы).

Ав
преде
личие
лу об
1)
типич
2)
3)
ва ион
распр
соглас
мп
«Прог
На
различ
центр
мости
Так,
ност
диент
внутри
темпе
плотно
выраж
вые л
кости
спутн
ход р
лочки
показа
парам
вдоль
мосфе
части
дольн
туры
Рез
крупн
DE-1.
с рост
Др
ется н
обычно
(рис. 2
точно
способ
теплая
плотно
гут пр
В н
ляет р
ионов,
измере
Ост
ных па
рые пл
нем об
на осн
туры
также
ненны

Анализ полученных данных позволил выявить как общие черты распределения концентрации и температуры ионов, так и обнаружить различные профили, объясняющиеся изменением условий наблюдения. К числу общих характеристик относятся следующие:

- 1) температура понов плазмосферы при всех MLT выше значений, типичных для ионосферы;
- 2) температура T_i растет с ростом L ;
- 3) на больших высотах в плазмосфере существуют источники нагрева ионов, повышающие энергию частиц при росте L . Эти общие свойства распределения понов плазмосферы по данным спутников DE-1 и ISEE согласуются между собой и с результатами измерений на спутниках серии «Прогноз».

Наряду с этим наблюдались сильные различия в характере L -профилей концентрации и температуры понов в зависимости от уровня геомагнитной активности. Так, при высокой магнитной возмущенности наблюдаются обычно большие градиенты плотности плазмы на плазмопаузе, внутри которых резко возрастает градиент температуры. В спокойное время градиент плотности на плазмопаузе не столь резко выражен. Поскольку геомагнитные силовые линии лежат приблизительно в плоскости орбиты DE-1, измерения с этого спутника позволили оценить высотный ход распределения плазмы вдоль L -оболочек; результаты анализа измерений показали, что в возмущенных условиях параметры плазмы были почти постоянны вдоль силовых линий во внутренней плазмосфере, в то время как во внешней ее части наблюдались значительные продольные градиенты плотности и температуры ионов.

Результаты измерений со спутника ISEE указывают на существование крупномасштабных структур, обычно не наблюдавшихся со спутника DE-1. Например, наблюдались случаи понижения температуры ионов с ростом L при $L > 4$.

Другой важной особенностью тепловой структуры плазмосферы является наличие слабой примеси надтепловой плазмы во внешней зоне, обычно не наблюдаемой на фоне более плотной холодной компоненты (рис. 2). Однако в тех случаях, когда плотность холодной плазмы достаточно низка и достаточно высокий положительный потенциал спутника способен экранировать холодную компоненту ионов, наблюдалась лишь теплая компонента (согласно данным [20]). В присутствии достаточно плотной холодной компоненты малые изменения потенциала спутника могут приводить к кажущимся флуктуациям температуры.

В некоторых случаях, но не всегда, аппаратура спутника DE-1 позволяет разграничить истинные и кажущиеся флуктуации температуры ионов, однако это обстоятельство следует учитывать при интерпретации измерений температуры ионов во внешней плазмосфере.

Остановимся теперь на результатах статистического анализа структурных параметров плазмосферы по данным спутников DE-1 и ISEE, которые иллюстрируются рис. 3, 4. Тепловая структура плазмосферы в среднем обнаруживает основные особенности, которых можно было ожидать на основе анализа отдельных наблюдений, но средний градиент температуры во внутренней плазмосфере оказался выше ожидаемого. Следует также отметить, согласно [23], что чрезвычайно малое рассеяние усредненных данных (более 100 наблюдений, различные геомагнитные усло-

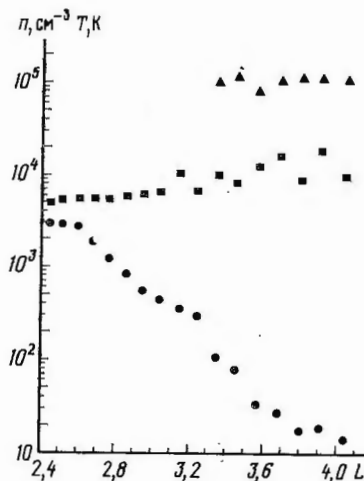

Рис. 2. Распределение по L -оболочкам температуры холодной (квадраты) и теплой (треугольники) компоненты ионов H^+ и их концентрация (кружки) по данным спутника DE-1 (9.10.81 г., ~22 MLT) [23]

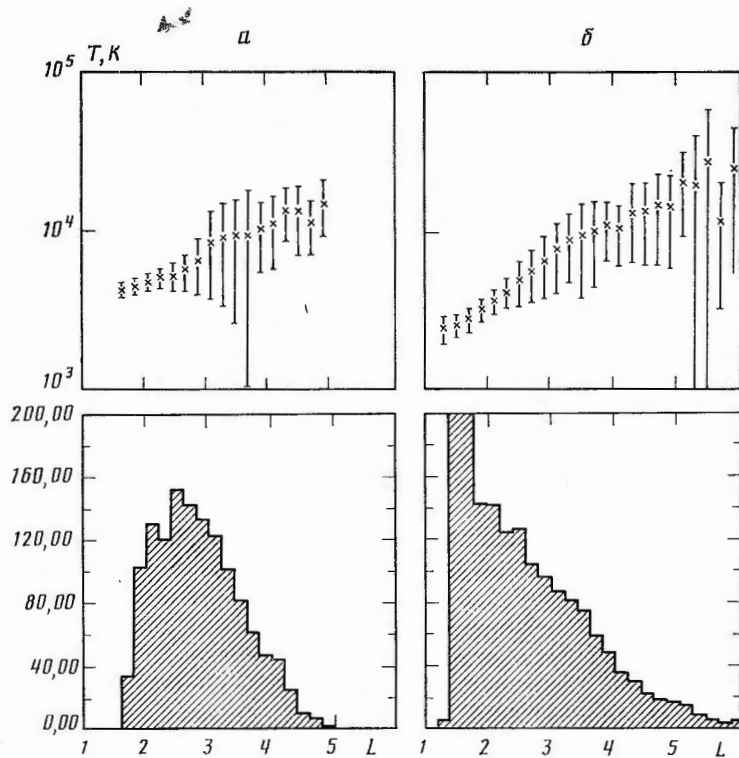

Рис. 3. Средние профили температуры ионов H^+ (интервал усреднения $\Delta L=0,2$) по измерениям со спутника DE-1 (X—XI, 1981 г.). В нижней части рисунка представлено число наблюдений, соответствующее каждому интервалу усреднения по L : а — местное утро ($\sim 7-11$ MLT), б — местный вечер ($\sim 19-22$ MLT) [20]

вия, интервал MLT ~ 4 ч) на $L=1,9$ указывает на высокую стабильность ионной температуры в этой области. Поскольку температура ионов в утреннем секторе приблизительно в 1,5 раза выше, чем в вечерние часы, очевидно, к утру успевает восстановиться дневное квазиравновесное значение после ночного охлаждения. Наложение температурных кривых разных измерений показывает, что при $L > 2,5$ температура ионов в утренние часы удивительно стабильна вплоть до самых больших расстояний. Наряду с этим внутри $L=2,5$ вечерние температуры значительно ниже утренних в соответствии с тем, что в вечерние часы на внутренних L -оболочках начинается сильное охлаждение ниже лежащей ионосферы. Кроме того, стандартные отклонения средних значений температуры значительно меньше на утренней стороне, чем на вечерней внутри $L=3,0$. Это свидетельствует о том, что вечерний сектор — более чувствительная переходная область от дневных к ночным условиям. Сразу за пределом $L=3$ температура ионов H^+ резко возрастает и остается в интервале $10^4-2 \cdot 10^4$ К ($\sim 1-2$ эВ), слегка увеличиваясь с ростом L . Еще одна интересная особенность утренних профилей $n_i(L)$, $T_i(L)$ — область больших значений стандартных отклонений усредненных величин, локализованная в интервале $3,1 < L < 3,7$. Это может быть связано с локализацией зоны крутых градиентов, соответствующих резкой смене условий в узком интервале значений L .

Средние значения температуры по измерениям со спутника ISEE-1 представлены на рис. 4. Следует отметить несколько интересных особенностей приведенных на рис. 4 профилей. На дневной стороне наблюдается спад температуры с ростом L во внутренней ($L < 3$) зоне плазмосферы, что не является артефактом, возникшим в результате процесса усреднения, поскольку подобные случаи наблюдались индивидуально [23]. Одна-

10⁵ T, K
10⁴
10³
200,00
160,00
120,00
80,00
40,00
0,00
1 2 3 4 5 L
1 2 3 4 5 L
10⁵
10⁴
10³
10²
10¹
10⁰
2
Рис. 3.
ника
(e -)

ко стол
лись по
Дру
ночные
следует
спутник
п ночна
ных по
на ISEE
ниям п
L-обло
активно
сопосла
При $L <$
данным
более п
так и с
дений.
п ISEE
измере
Необход
окончат
Ана
магнитн
($L < 3$)

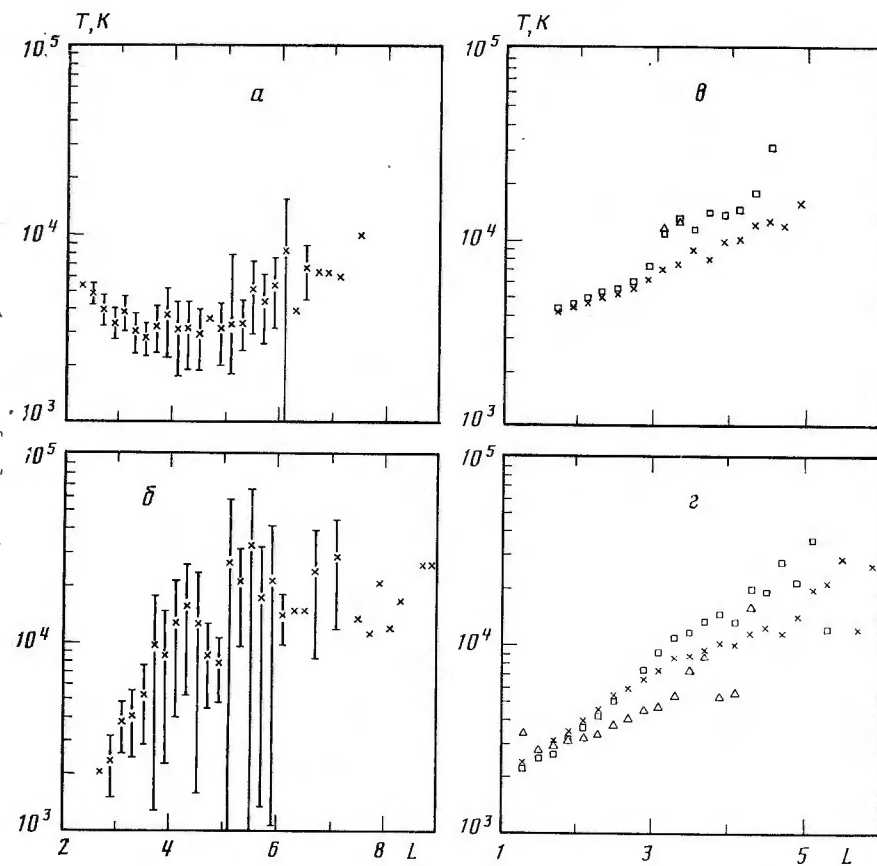

Рис. 4. Средние профили температуры ионов H^+ по наблюдениям со спутника ISEE (*a* — день, 6–18 MLT; *б* — ночь, 18–06 MLT) и со спутника DE-1 (*в* — утро, *г* — вечер), которые разделены на три группы: крестики — $K_p=0-3^-$, квадраты — $K_p=3^-6^-$, треугольники — $K_p=6^-$

ко столь большие отрицательные градиенты $\partial T/\partial L$ никогда не наблюдались по данным спутника DE-1.

Другая anomальная особенность — во внешней плазмосфере ($L > 3$) ночные температуры оказались значительно выше дневных. Вместе с тем следует напомнить, что согласно гораздо большему набору данных со спутника DE-1 для более узких интервалов местного времени дневная и ночная температуры были одинаковы. Сравнение профилей, построенных по данным спутника DE-1 (рис. 4, *в, г*), с результатами измерений на ISEE (рис. 4, *а, б*), показывает, что дневные температуры по измерениям на ISEE гораздо ниже значений, полученных на DE-1, для всех L -оболочек. Возможно, это объясняется более низким уровнем солнечной активности. В то же время ночные профили по данным ISEE и DE-1 сопоставимы в области $L > 4$, хотя разброс данных велик в обоих случаях. При $L \leq 4$ значения T_i гораздо быстрее убывают с уменьшением L по данным ISEE, чем по измерениям DE. Это согласуется как с включением более поздних ночных часов в интервал наблюдений со спутника ISEE-1, так и с более низким уровнем солнечной активности в период этих наблюдений. Не исключено, что описанные различия наблюдаемой на DE-1 и ISEE-1 структуры объясняются ограниченностью временного сектора измерений со спутника DE-1, подвергнутого статистической обработке. Необходимо включить в анализ другие временные интервалы, чтобы окончательно выяснить причину описанных расхождений.

Анализ зависимости тепловой структуры плазмосферы от уровня магнитной активности показывает, в утренние часы во внутренней зоне ($L < 3$) температура ионов практически не зависит от K_p -индекса, в то

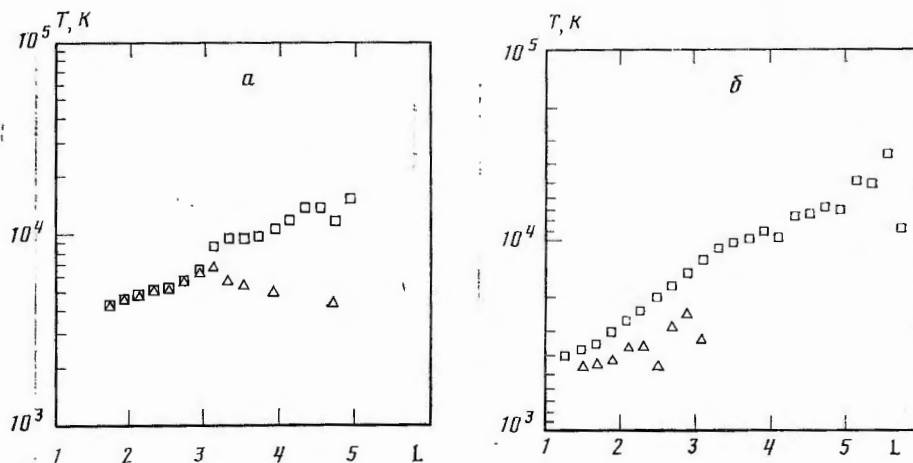

Рис. 5. Сопоставление профилей температуры по измерениям на больших (квадраты) и на малых (треугольники) высотах в пределах одной L -оболочки: a — утро (7–11 MLT), b — вечер (18–22 MLT)

время как во внешней плазмосфере повышение магнитной активности сопровождается ростом температуры (рис. 4, a). В вечерние часы (рис. 4, b) при сильных возмущениях картина существенно иная: уровень магнитной активности не сказывался лишь до $L \leq 2$, при $L > 2$ сильное повышение активности ($K_p \geq 6$) сопровождается понижением температуры по сравнению со спокойными или умеренно возмущенными периодами. В интервале $2 < L < 3$ средние температуры одинаковы в спокойные и умеренно возмущенные периоды, а при $L \geq 3$ умеренные возмущения сопровождаются повышением T_i по сравнению со спокойными условиями. Необходимо при этом сделать следующую оговорку: выборка для сильно возмущенных условий ($6 < K_p < 9$) составляет ≤ 10 случаев за интервал наблюдений, а спокойные и умеренно возмущенные условия наблюдались в 50–60 случаях за интервал. Несмотря на эту оговорку, требующую накопления большей статистики для сильных возмущений, понижение температуры внешней зоны плазмосферы в вечерние часы во время сильных возмущений заслуживает внимания. По-видимому, здесь необходим непосредственный анализ градиентов температуры в зависимости от уровня магнитной активности, поскольку повышение средней температуры на заданной L -оболочке с повышением K_p -индекса может быть связано с приближением к Земле вечерней плазмопаузы и ростом температуры, наблюдаемым при приближении к этой границе изнутри.

Сопоставление профилей $T_i(L)$, построенных по измерениям на больших и малых высотах (рис. 5, a, b), выявили следующие различия между утренними и вечерними секторами. На утренней стороне (рис. 5, a) во внутренней зоне ($L \leq 3$) не наблюдается высотных изменений T_i при фиксированном значении L , так что профили T_i не различаются на разных высотах. Во внешней плазмосфере ($L > 3$) температура плазмы на малых высотах оказывается более тесно связана с нижележащей холодной ионосферной плазмой, чем на больших высотах, т. е. наблюдаются значительные продольные градиенты температуры. На вечерней стороне (рис. 5, b) во всей плазмосфере (независимо от L) наблюдаются значительные продольные градиенты температуры. Это согласуется с охлаждением нижних слоев вечерней плазмосферы в результате охлаждения прилегающих слоев неосвещенной ионосферы.

Таким образом, во внешней плазмосфере ($L > 3$) продольные градиенты существуют всегда, независимо от местного времени, а во внутренней — в вечерние часы, так что должны существовать потоки тепла вдоль силовых линий с источником в их вершинах.

Согласно [20], во внутренней плазмосфере наблюдается тепловое равновесие ионов гелия и водорода с точностью до $\sim 10\%$, при $L > 3$ стан-

дартные часы. По-
лись неа-
температ-
Резул-
сформул-
дований:
1) ка-
зованы в-
вами окр-
2) ка-
мосферы
3) по-
ионов Не

Иссле-
важное а-
пример, л-
диалом),
мосфере,
значно с-
Выявл-
имеет та-
значител-
модейств-
дующего к-
Перво-
сферы на-
ция ионов
Измерени-
($\sim 0,001$
метров н-
(Между-
впервые
тора отпа-
время ка-
ляет $\sim 0,0$
ультрафи-
их иониз-
наблюдав-
разумных
силовой
ренные о-
Автор
фузии дл-
этом O^{++}
полнен в
высоте $\sim$
трация и
но падает
Конце
лась при
эксперим-
попов Не
ке DE-1
сколько
ренням н-
данных и

дартные отклонения $T_{\text{He}}/T_{\text{H}}$ несколько возрастают, особенно в вечерние часы. Поскольку температуры ионов H^+ и He измерялись и анализировались независимо, это обстоятельство гарантирует надежность измерений температуры — параметра, для которого нет иных способов верификации.

Результаты исследования тепловой структуры плазмосферы позволяют сформулировать следующие проблемы дальнейших теоретических исследований:

1) каковы эффективные механизмы нагрева ионов? (Как они локализованы в пространстве и как связаны с солнечной активностью и свойствами окружающей плазмы?)

2) как объяснить перенос тепла, обеспечивающий нагрев ночной плазмосферы?

3) почему наблюдается столь высокая степень теплового равновесия ионов He^+ и H^+ ?

3. Химический и зарядовый состав ионов плазмосферы

Исследование массового и зарядового состава ионов плазмосферы имеет важное значение для интерпретации простых зондовых измерений (например, в случае, когда используются анализаторы с тормозящим потенциалом), а также для выявления ионов, которые присущи именно плазмосфере, так что их обнаружение в других областях магнитосферы однозначно свидетельствует о плазмосферном происхождении этих ионов.

Выявление массового и зарядового состава плазмосферных ионов имеет также существенное теоретическое значение, поскольку даже незначительная примесь тяжелых ионов меняет условия резонансного взаимодействия горячих частиц кольцевого тока с холодной плазмой, приводящего к развитию неустойчивостей и нагреву внешней плазмосферы.

Первоначальные масс-спектрометрические измерения ионов плазмосферы на спутникеOGO-3 показали, что $0,99 n_i$ (n_i — полная концентрация ионов) составляют протоны, а ионы He^+ составляют $0,01 n_i$ [24]. Измерения на спутникеOGO-5 впервые обнаружил ионы O^+ ($\sim 0,001 n_i$) [25]. По мере повышения чувствительности масс-спектрометров наблюдаемый спектр ионов стал обогащаться. В период МИМ (Международные исследования магнитосферы) на спутникеGEOS-1 впервые были зарегистрированы ионы O^{++} и оказалось, что вблизи экватора отношение $n_{\text{O}^{++}}/n_{\text{O}^+}$ может достигать ~ 1 на расстояниях $L \sim 3$, в то время как на средних широтах в слое ионосферы это отношение составляет $\sim 0,003$. Гейсс и Юнг [26] показали, что при фотоионизации ионов O^+ ультрафиолетовым излучением Солнца на больших высотах, ни ударная их ионизация не могут обеспечить столь высокое отношение $n_{\text{O}^{++}}/n_{\text{O}^+}$, наблюдавшееся на спутникеGEOS-1. В то же время показано, что при разумных предположениях о распределении температуры ионов вдоль силовой трубки $L=3$ в условиях равноденствия можно объяснить измеренные отношения $n_{\text{O}^{++}}/n_{\text{O}^+}$ процессом тепловой диффузии.

Авторы [26] численно интегрировали нестационарное уравнение диффузии для ионов O^{++} вдоль силовой трубки внутри плазмосферы; при этом O^{++} рассматривается как малая составляющая плазмы. Расчет выполнен в предположении, что на высоте ~ 500 км ($L=3$), $T_i=10^3$ К, а на высоте ~ 1300 км (вблизи экватора) — $T_i \approx 10^4$ К. Оказалось, что концентрация ионов O^{++} слабо зависит от скорости движения основного газа, но падает на два-три порядка при отсутствии термодиффузии.

Концентрация ионов He по измерениям на спутникеGEOS-1 оказалась приблизительно на порядок выше значений, полученных в ранних экспериментах и по данным Балсигера и Юнга [14] концентрация n_{He^+} ионов He^+ достигает величины $\sim 0,1 n_i$. По данным измерений на спутникеDE-1 [27] во внешней плазмосфере ($L > 3$) отношение $n_{\text{He}^+}/n_{\text{H}^+}$ в несколько раз превышает соответствующие значения, полученные по измерениям на спутникеGEOS-1. Таким образом, на основании современных данных нельзя более рассматривать ионы He^+ как малую компоненту

плазмосферных ионов, а следует считать, что плазмосфера состоит по меньшей мере из двух важных компонент.

Следует отметить, что авторы работ [14] и [27] не обсуждают вопроса о том, почему в последних экспериментах обнаружено столь высокое (по сравнению с прежними измерениями [24, 26]) содержание He^+ , т. е. связано ли это с методикой измерений или отражает существенные временные вариации содержания этих ионов в плазмосфере. Таким образом, важный вопрос о содержании ионов He^+ в плазмосфере до сих пор не может считаться окончательно решенным.

Измерения со спутника DE-1 впервые зарегистрировали также ионы N^+ и N^{++} . Наблюдавшиеся значения потока ионов N^+ составляют 0,05–0,01 величины потока ионов O^+ , а потоки N^{++} составляют такую же долю (0,05–0,01) от потоков [28].

Результаты масс-спектроскопических измерений со спутника DE-1 позволили заключить, что в плазмосфере имеется тороидальная зона тяжелых ионов; пример распределения по L -оболочкам концентраций различных ионов по данным спутника DE-1 приведен на рис. 6 [27].

Поскольку ионы O^{++} и He^+ присутствуют в земной атмосфере в малых количествах и практически отсутствуют в солнечном ветре, значительное их содержание в магнитосфере вне плазмосферы указывает на их плазмосферное происхождение и может использоваться при изучении циркуляции плазмы в магнитосфере.

Кроме того, наличие тяжелых ионов He^+ и O^{++} в плазмосфере существенно сказывается на процессах генерации и распространения ионно-циклотронных волн, поскольку присутствие даже малых примесей тяжелых ионов в холодной плазме и кольцевом токе снижает частоту ионно-циклотронного резонанса и скорость развития связанных с ними неустойчивостей; это обстоятельство необходимо учитывать при расчете нагрева внешней тепловой зоны плазмосферы, в частности для объяснения неравновесного состояния этой зоны с преимущественным нагревом ионов (при $L > 3$, $T_i > T_e$). Подробный анализ влияния примеси тяжелых ионов в холодной и энергичной компонентах плазмы во внешней зоне плазмосферы на генерацию и распространение ионно-циклотронных волн выполнен в работе Козыры и др. [29]. В работе приведена обширная библиография экспериментальных и теоретических исследований этих процессов и их влияния на структуру и нагрев внешней плазмосферы вплоть до плазмопаузы.

Согласно изложенным в обзоре [29] работам, учет примеси тяжелых ионов приводит к следующим основным результатам:

1) энергичные тяжелые ионы сорта α вызывают раскачку колебаний с частотой $f \leq f_\alpha$ (f_α — циклотронная частота ионов сорта α) и подавляют волны с частотой $f > f_\alpha$;

2) особо эффективно влияние тяжелых ионов сорта α , если горячие и холодные ионы этого сорта присутствуют в соизмеримых количествах (например, в районе вечернего выступа при $L < 4$ в кольцевом токе присутствуют горячие ионы O^+ и He^+ в той же пропорции с горячими протонами, что и в холодной плазмосферной плазме $\text{H}^+ : \text{He}^+ : \text{O}^+ = 1 : 0,1 : 0,01$; при $L > 4$ доминируют горячие протоны);

3) зона раскачки волн не коррелирует с градиентом плотности ионов $\partial n / \partial L$ ($L = L_{pp}$).

В присутствии примеси тяжелых ионов уменьшается фазовая скорость волны, что создает условия резонанса с ионами кольцевого тока вблизи соответствующих циклотронных частот $f_{\alpha c}$ (α — сорт ионов) даже при очень низкой плотности холодных частиц (например, при $L > L_{pp}$, т. е. за пределами плазмопаузы).

В применении к условиям в плазмосфере теоретические выводы, приведенные в [29], позволяют предположить, что неудачи тех волновых измерений на КА, в которых не удавалось зарегистрировать соответствующих излучений, объясняются именно описанным выше сдвигом резонансных частот в присутствии тяжелых ионов O^+ , He^+ и N^+ . Это предположение подтверждается наземными наблюдениями. Впоследствии

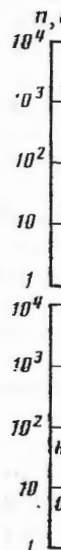

Рис. 6. спутник

Фрэйзе
циклот
в пери
частоте
мосфер
горячи

Хан
ных ду
лиз, пр
частота
нансу
ториал
са на
мос» [1
Опи
затуха
сферы

4.

Пр
ми иг
плазм
с учте
расши
требу
ру). П
за сче
зуются
шение
кие вр
мосфер
плазм
Экс
на то,

лит по

вопро-
сское
+, т. е.
е вре-
бразом,
пор не

е ионы
авляют
кую же

а DE-1
она тя-
ий раз-

малых
гельное
плазмо-
ркуля-

ере су-
ионно-
сей тя-

ту пон-
ими не-
расчете

бъясне-
агревом
ажелых

ей зоне
ых волн
ширная
ий этих
осферы

ажелых

лебаний
давляют

горячие
нчества
оке при-

ми про-
=1 : 0,1 :

ти понов

скорость
а вблизи
аже при
 L_{pp} , т. е.

ды, при-
волновых
оответст-
нгом ре-

то пред-
дствии

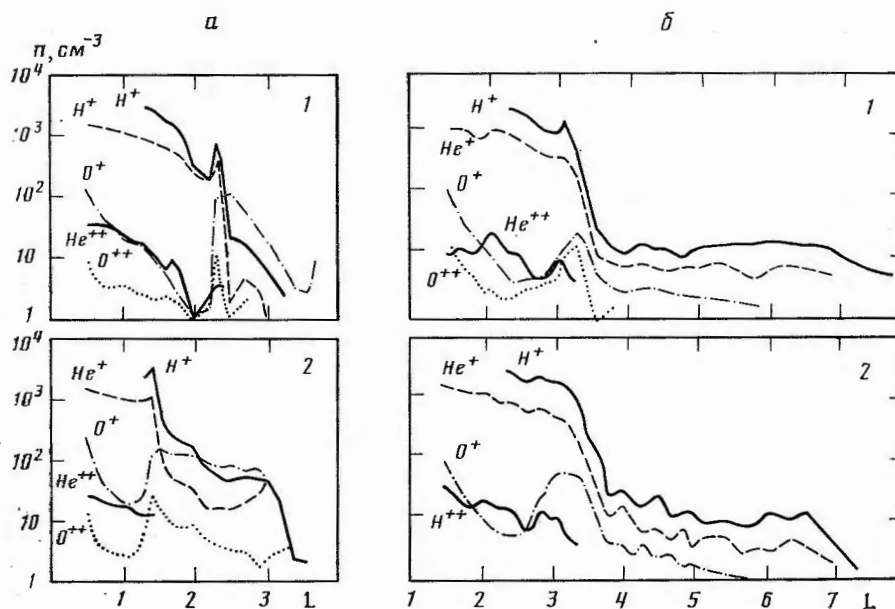

Рис. 6. Концентрации ионов различных элементов в зависимости от L по данным спутника DE-1 в вечернем секторе: а — 12.11.81 г., 1 — 03.19 — 03.35 UT, 2 — 09.50 — 10.21 UT; б — 13.XI.1981, 1 — 06.17 — 06.53 UT, 2 — 13.02 — 13.45 UT

Фрэйзер и др. [30] на спутнике ISEE-1, -2 зарегистрировали нециклотронные $Pc2$ колебания вблизи вечерней плазмосферы ($L=5,8-7,6$) в период заполнения плазмосферы на фазе восстановления суббури на частоте $f_{рез}=0,1$ Гц, т. е. вблизи циклотронной части O^+ . В составе плазмосферных ионов доминировали теплые (0–100 эВ) протоны, а среди горячих ионов присутствовали O^+ и He^+ (0,1–16 кэВ).

Хансен и др. [31] наблюдали пульсации видимого свечения авроральных дуг и ОНЧ-излучения на частоте $f=1,3\pm 0,3$ Гц. Спектральный анализ, проведенный авторами [31], выделил также моду излучения на частотах 4 и 3,5 кГц, соответствующую электронно-циклотронному резонансу авроральных электронов в области на расстоянии 8000 км от экваториальной плоскости. ОНЧ-излучение вблизи ниже-гибридного резонанса на частотах $f_{LHR}=4-18$ кГц наблюдалось на спутниках «Интеркосмос» [32] в виде дискретных эмиссий.

Описанные выше данные подтверждают предположения о том, что затухание Ландау ионно-циклотронных волн в условиях внешней плазмосферы может приводить к нагреву плазмы в этой области [33].

4. Ионосферно-плазмосферный обмен заряженными частицами

Процессы ионосферно-плазмосферного обмена заряженными частицами играют определяющую роль в динамике плазмосферы. Заполнение плазмосферы за счет продольных потоков плазмы из дневной ионосферы с учетом всех стадий процесса (расширение в вакуум, гидродинамическое расширение, установление диффузионного равновесия в силовой трубке) требуют нескольких суток (см. [2, 3, 34] и цитированную там литературу). Процессы опустошения силовых трубок на плазмосферных высотах за счет оттока плазмы в ночную неосвещенную ионосферу характеризуются периодом $t_g \leq 1$ сут; кроме того, аperiodически происходит опустошение внешней плазмосферы во время возмущений, за еще более короткие времена. Таким образом, пространственно-временная структура плазмосферы не может быть понята без детального исследования обмена плазмой в системе ионосфера — плазмосфера.

Экспериментальные данные последнего десятилетия указывают также на то, что ионосферная плазма, истекающая вдоль геомагнитного поля

из ионосферы на высоких широтах (полярный ветер, ионные фонтаны в области каспа и авроральной зоны, полярный дождь над полярной шапкой), поставляет холодную компоненту в более удаленные области магнитосферы (плазменный слой, хвост) и играет существенную роль в динамике магнитосферы в целом — в формировании и эволюции системы магнитосферной конвекции, в развитии красных дуг полярных сияний и других явлений. Эти процессы, в свою очередь, определяют динамику внешней зоны плазмосферы и формирование плазмопаузы [35].

Обмен потоками заряженных частиц между плазмосферой и ионосферой является одним из важных факторов, поддерживающих существование ночной ионосферы на средних широтах в отсутствие солнечного ультрафиолетового излучения. Этот аспект ионосферно-плазмосферных связей изучался теоретически и по косвенным экспериментальным данным на протяжении более 15 лет.

Анализ суточных вариаций экваториальных профилей $n_i(L)$, построенных по наблюдениям свистящих атмосфериков, позволил Парку [36] сделать вывод о существовании потоков частиц тепловых энергий из плазмосферы в ионосферу в ночное время $\sim 1,5 \cdot 10^8$ и $\sim 3 \cdot 10^8$ $\text{см}^{-2} \cdot \text{с}^{-1}$ из ионосферы в плазмосферу в дневные часы. По данным некогерентного рассеяния на станции Милстон — Хилл ($L=3,4$) Эванс [37] получил значения $5 \cdot 10^7$ и $3 \cdot 10^7$ $\text{см}^{-2} \cdot \text{с}^{-1}$ для потоков частиц из ионосферы вверх и вниз (в ионосферу) соответственно, а по результатам [38] (та же обсерватория) дневной поток из ионосферы вверх на высоте 3000 км составляет $(5-7) \cdot 10^7$ $\text{см}^{-2} \cdot \text{с}^{-1}$, а ночной направленный вниз поток достигает $1,5 \cdot 10^8$ $\text{см}^{-2} \cdot \text{с}^{-1}$ [38]. Оба результата относятся к максимуму солнечной активности.

По данным станции некогерентного рассеяния в Арисибо ($L=1,4$) авторы [39] получили точные значения потоков ионов H^+ из плазмосферы в ионосферу $(2-6) \cdot 10^7$ $\text{см}^{-2} \cdot \text{с}^{-1}$ в августе и $\sim 10^8$ $\text{см}^{-2} \cdot \text{с}^{-1}$ — в январе 1975 г. Теоретические оценки ночных потоков частиц из плазмосферы, необходимых для поддержания в ночное время максимума слоя F на средних широтах, дают значения $\sim 2 \cdot 10^8$ $\text{см}^{-2} \cdot \text{с}^{-1}$ [40], а для потоков H^+ из ионосферы в плазмосферу из теоретических оценок получаются значения $\sim 10^8$ $\text{см}^{-2} \cdot \text{с}^{-1}$ [41]. Таким образом, оценки потоков, теоретические и по различным наземным излучениям (свистящие атмосферики, некогерентное рассеяние), достаточно сильно различаются ($3 \cdot 10^7 - 3 \cdot 10^8$ $\text{см}^{-2} \cdot \text{с}^{-1}$), так что необходимы прямые измерения потоков плазмы между плазмосферой и ионосферой для решения проблемы ночной ионизации среднеширотной ионосферы.

Такого рода измерение было выполнено на ракете «Вертикаль-10», запущенной на высоту до 1508 км в районе Волгограда ($L=2$). Измерения проводились в интервале высот от вершины траектории (1508 км) до 1438 км [42].

В результате обработки кривых торможения (в предположении $n_i \approx n_{\text{H}^+}$) было получено, что во время полета ракеты ионы H^+ двигались из плазмосферы в ионосферу со скоростью $v=0,8-1,4$ км/с. Потоки ионов из плазмосферы в ионосферу при этих скоростях лежали в пределах $(0,8-4,0) \cdot 10^8$ $\text{см}^{-2} \cdot \text{с}^{-1}$. Средняя величина потока в ночную ионосферу $\sim 2,4 \cdot 10^8$ $\text{см}^{-2} \cdot \text{с}^{-1}$ в принципе достаточна [42] для поддержания ночного слоя F , хотя одного измерения недостаточно для окончательного вывода о том, что потоки ионов из ночной плазмосферы являются определяющим источником ночного слоя F ионосферы.

5. Внешняя зона плазмосферы, плазмопаузы и их связь с крупномасштабными структурами магнитосферы

5.1. Внешняя зона плазмосферы и структурные границы во внутренней магнитосфере.

Результаты измерений на спутниках DE-1, -2 позволили Хоровицу и др. [27, 43] исследовать взаимосвязь между положением плазмопаузы и следующими границами плазменных структур во внутренней магнитосфере:

1) гр
к анизо
 $\alpha \approx 0^\circ$).
плазмон
2) в
слоя с
3) н
Используй
ные) из
Набл
основны
сектору
тронов с
Плазмон
совмест
менени
Отличие
тронного
перподи
блюдаем
период
электро
роты, из
Хоро
гут служ
оставля
MLT. А
центрац
их схема
относите
плато (С
значител
дений. П
ней плаз
Обнаруж
наблюда
сти пере
Наиб
симости
ры [27,
со значи
градиент
перехода
основан
руются
и коротк
градиент
следую
След
к продо.
[43], кв
рактери
Изме
вблизи
те на сп
позволи
плазмен
ными в
демонст
рения.

1) граница перехода холодных ионов (Low Energy Ion Transition LEIT) к анизотропному продольному пичч-угловому распределению (пичч-угол $\alpha \approx 0^\circ$). Эта граница часто наблюдается вблизи градиента плотности на плазмопаузе (вне плазмопаузы);

2) внутренний (обращенный к Земле) край электронов плазменного слоя с пичч-углами $\alpha \approx 90^\circ$ и энергиями $E_e = 100$ эВ; 10 кэВ;

3) низкоширотные границы авроральных электронов тех же энергий. Использовались также некоторые наземные и спутниковые (одновременные) измерения видимых полярных сияний.

Наблюдения [44, 45] проводились в вечернем и утреннем секторах; основные выводы работ [27, 43] относятся главным образом к вечернему сектору (18–23 MLT). Измерения показывают, что LEIT и граница электронов с $E = 100$ эВ плазменного слоя обычно совпадают в пределах $\pm 0,3L$. Плазмопауза и обе эти границы, определенные независимо, перемещаются совместно по L соответственно изменению K_p -индекса: например, при изменении K_p от 5 до 0^+ границы смещаются с $L_{\text{тр}} \approx 3-4$ на оболочку $L_{\text{тр}} \approx 7$. Отличие наблюдается лишь в поведении низкоширотной границы электронного аврорального овала: в этой области регистрируются короткопериодические флуктуации (временной масштаб суббурь). Причины наблюдаемых отличий могут быть связаны либо с большим орбитальным периодом спутника DE-1 (7,5 ч), либо с неопределенностью L -координаты электронных границ по данным DE-2, возрастающей с уменьшением широты, из-за более быстрого движения этого спутника по L .

Хоровиц и др. [27, 43] делают вывод, что исследованные границы могут служить индикатором положения плазмопаузы в вечернем секторе, оставляя открытым вопрос о динамике этих структур в других секторах MLT. Авторы [27, 43] выполнили статистический анализ профилей концентрации ионов во внешней плазмосфере (вблизи LEIT) и предложили их схематическую классификацию, приведенную на рис. 7. Оказалось, что относительно гладкие (без особенностей) профили (A) и ступенчатые плато (C) наблюдаются каждый в течение $\sim 40\%$ времени, а профили со значительными провалами (D и E) занимают лишь 10% периода наблюдений. При этом «структурированные» профили характерны для вечерней плазмосферы, а профили без особенностей наблюдаются обычно утром. Обнаружено также, что наибольшие градиенты плотности вблизи LEIT наблюдаются ночью, в то время как плавный спад концентрации в области перехода доминирует в утренние часы.

Наиболее интересно сопоставить области градиентов профилей в зависимости от MLT с положением LEIT в этих координатах. Для этого авторы [27, 43] анализировали ступенчатые профили (C, рис. 7) и профили со значительными провалами (D и E, рис. 7). Оказалось, что внутренние градиенты плотности ($L=3-4$) не зависят от MLT. Профили границы перехода (LEIT) имеют циркулярную форму при больших K_p . На этом основании можно ожидать, что внутренние градиенты плотности формируются при высокой магнитной активности (возможно, в ночные часы) и короткируют в другие секторы MLT, образуя циркулярную зону высоких градиентов, в то время как внешняя зона плазмосферы формируется в последующие спокойные периоды.

Следует подчеркнуть, что как плазмопауза, так и граница перехода к продольному распределению холодных ионов (LEIT), согласно данным [43], квазициркулярны в возмущенные периоды, а в спокойное время характеризуется значительным полуденным выступом.

Измерения электронной концентрации n_e в плазмосфере по излучению вблизи верхне-гибридного резонанса проводились в волновом эксперименте на спутнике ISEE-1 и описаны в работе Андерсона [46]. Эти измерения позволили сравнить основные структурные и динамические особенности плазмосферы, полученные на основе их анализа, с результатами прямых плазменных измерений, описанных в предыдущих разделах, а также с данными наземных наблюдений вистлеров [47]. Сопоставление данных продемонстрировало хорошее согласие всех трех независимых методов измерения. Следует подчеркнуть, что результаты Андерсона [46] надежно

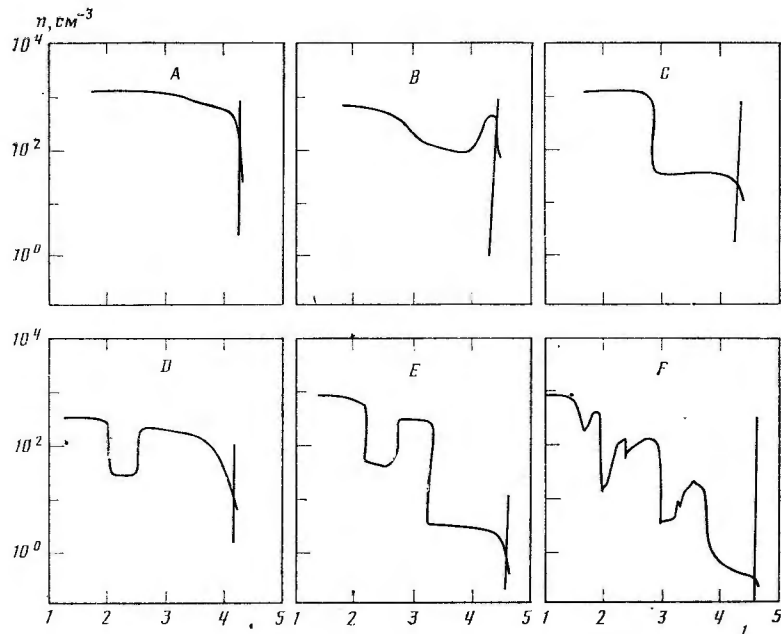

Рис. 7. Схематическая классификация типов распределения концентрации ионов вблизи плазмопаузы, вертикальная линия — положение LEIT

выделяют оба вида асимметрии плазмосферы (полуденно-полуночную и вечерне-утреннюю) в виде единого выступа, простирающегося с утренних до вечерних часов, причем размеры и локализация выступа зависят от концентрации, местного времени и уровня геомагнитной активности. Форма плазмопаузы по данным измерений [46] соответствует приведенной в работах [6–9].

Данные [43–45] подтверждают вывод Грингауза и Безруких [6] о значительной полуденно-полуночной асимметрии плазмопаузы в спокойные периоды, в то время как Чепелл и др. [48] на основании измерений со спутникаOGO-5 такой асимметрии не обнаружили, а авторы плазмосферного эксперимента на спутнике DE-1,2 в итоговой работе [27] также игнорируют эту проблему, хотя во время устного представления их доклада на сессии КОСПАР в Тулузе (1986 г.) продемонстрированные ими экспериментальные данные также содержали несомненные свидетельства полуденно-полуночной асимметрии плазмопаузы.

5.2. Плазмопауза и ее связь с крупномасштабной конвекцией плазмы в магнитосфере. Граница холодной изотропной плазмы — плазмопауза — в теоретических моделях обычно отождествляется с последней замкнутой эквипотенциалью электрического поля коротации и однородного поля магнитосферной конвекции, а сама плазмосфера — с областью, запрещенной для проникновения магнитосферной плазмы. Простейшая модель такого рода предложена около 20 лет назад Нишидой [49] и Брайсом [50]. Широкое распространение эта модель получила благодаря тому, что при разумных предположениях относительно электрического поля утро — вечер в хвосте магнитосферы $E \approx 0,5$ мВ/м модель стационарной конвекции дает приемлемые экваториальные размеры плазмосферы и объясняет вечерний выступ экваториальной плазмопаузы. Однако эта МГД-модель предполагает суперпозицию потенциалов поля коротации и магнитосферной конвекции, что справедливо лишь в стационарном случае и при отсутствии продольных градиентов плотности и температуры, поэтому такие модели некорректны при учете нестационарного характера магнитного и электрического полей. Однако представление о плазмопаузе как о последней замкнутой эквипотенциали системы магнитосферной конвекции получило дальнейшее развитие в различных вариантах численных МГД-моделей нестационарной

ционарной литературы

МГД-моделей плазмосферы в докладах, что магнитное поле, и учитываются различные токи, и потери плазмы (взаимодействие сферных волн в МГД-модели), а также и питательный ток [51].

В результате короткопериодической полуденной асимметрии [51].

Действие исследования литературы в области основных полуденных моделях магнитосферы и магнитосферной конвекции Илвайнэ и др.

Недавние исследования плазмосферной квазистационарной L-оболочки после магнитосферной конвекции и плазмы

Наков и др. в работе, посвященной моделированию магнитосферного поля: взаимодействие водородоносной плазмы с горячей внешней плазмой циклотронно-тяжелых ионов противостоит недавнему исследованию смотра температуры с данными измерениями, более сущест

ционарной конвекции (см., например, [2, 34, 51] и цитируемую там литературу).

МГД-модели предполагают, что интегральная проводимость магнитосферы вдоль магнитного поля $\Sigma_{\parallel} \rightarrow \infty$ вплоть до ионосферных высот, так что магнитные силовые линии являются эквипотенциалами электрического поля, и недооценивают роль ионосферы (в частности, обычно пренебрегают различием дневной и ночной проводимостей ионосферы). Ионосфера учитывается в МГД-моделях как зона протекания электрических поперечных токов, но не учитывается ионосферно-плазмосферный обмен плазмой и потери ионов за счет увлечения ими нейтралов в результате соударений (взаимодействие ионов с нейтралами особенно существенно при магнитосферных возмущениях с характерными временами $\geq 10^5$ с). Кроме того, в МГД-моделях не рассматривается эффект механических сил (центробежной и гравитационной), который существенно изменяет пространственное иpitch-угловое распределение плазмосферных ионов и приводит к изменению формы плазмосферы.

В результате, МГД-модели нестационарной конвекции не описывают короткопериодических вариаций формы и размеров плазмосферы, а также ее полуденно-полуночной асимметрии, которая наблюдается экспериментально и существование которой следует из теоретических соображений [51].

Действие механических сил и развитие перестановочной неустойчивости исследовано Лемэром (см. монографию [34] и цитированную в ней литературу, разработавшим альтернативную (не МГД) трехмерную модель на основе учета этих процессов. Модель Лемэра позволяет объяснить основные особенности формирования плазмосферы, включая полуденно-полуночную асимметрию, которая не описывается существующими МГД-моделями. Однако следует иметь в виду, что распределение электрического и магнитного полей, которое использовано в расчетах Лемэра, построено Мак-Илвайном [52] путем экстраполяции экспериментальных данных, главным образом полученных на основе измерений с геостационарных спутников; это обстоятельство ограничивает применимость модели Мак-Илвайна для трехмерного теоретического описания процесса формирования плазмосферы.

Недавно была предпринята попытка построения эмпирической модели плазмосферы по измерениям со спутника DE [53]: построена усредненная квазистационарная картина распределения концентрации ионов H^+ по L -оболочкам в условиях умеренной геомагнитной возмущенности вскоре после максимума солнечной активности (1981–1982); однако эта модель не описывает основных особенностей структуры внешней зоны плазмосферы и плазмосферы.

Наконец, динамика плазмосферы и формирование плазмосферы в период возмущений в значительной мере определяется развитием и распадом кольцевого тока [54]. Влияние кольцевого тока не сводится к возникновению магнитного возмущения и крупномасштабного электрического поля: взаимодействие горячих протонов кольцевого тока с нейтральным водородом геокороны приводит к образованию энергичных нейтралов [55]; затухание ионно-циклотронных волн в процессе взаимодействия с холодной плазмосферной плазмой может оказаться основным механизмом нагрева внешней зоны плазмосферы [33] и определяющим фактором динамики плазмосферы во время геомагнитных бурь. Процесс развития ионно-циклотронной неустойчивости в значительной мере зависит от содержания тяжелых ионов в составе холодной плазмы, относительно которого имеются противоречивые данные (см. Разд. 3). Авторам настоящего обзора был недавно прислан обширный материал [56], содержащий результаты пересмотра данных измерений со спутника GEOS-1 об полном составе, температуре и распределении концентрации тепловых ионов в сопоставлении с данными измерений со спутников ISEE-1 и DE, а также с наземными измерениями вистлеров в периоды низкой солнечной активности. Наиболее существенный результат этой работы состоит, на наш взгляд, в пересмотре и определенном уточнении высокого отношения концентраций

He^+/H^+ : по этим данным оно составляет 2–6% и возрастает в некоторых случаях до величины, близкой к единице. Данные [56] согласуются с результатами [27], но по мнению самих авторов эти результаты нуждаются в дальнейшем уточнении. Поэтому вопрос о соотношении концентраций ионов He^+ и H^+ в плазмосфере пока остается открытым, что, естественно, затрудняет моделирование внешней плазмосферы и плазмоспаузы.

6. Выводы

Приведенные выше данные и их обсуждение позволяют заключить следующее:

1) плазмосфера и ее граница — плазмоспауза неоднородны и динамичны. Нередко дневная плазмоспауза имеет диффузный характер, менее резко выражена, чем ночная, так что не всегда можно определить ее положение;

2) разогретая («теплая») зона плазмосферы за пределом $L=3$ почти всегда наблюдается в ночные часы и реже — в дневные. Внутренняя ($L<3$) плазмосфера всегда холодная ($T_i \leq 0,8$ эВ);

3) наряду с вечерним выступом плазмоспаузы в спокойных условиях ($K_p=0-2$) почти всегда наблюдается полуденный выступ;

4) не ясны причины большого различия содержания ионов He^+ в ионном составе плазмосферы по данным со спутников OGO-3, -5, GEOS-1, -2, DE-1;

5) в настоящее время не существует общепринятой теории формирования плазмоспаузы, которая объяснила бы особенности ее пространственно-временной структуры. Широко распространенная МГД-модель, в которой плазмоспауза отождествляется с последней замкнутой эквипотенциальной электрического поля магнитосферной конвекции, не объясняет следующих важных особенностей плазмоспаузы: а) полуденный выступ и диффузный характер дневной плазмоспаузы; б) наличие продольных градиентов плотности и температуры вблизи плазмоспаузы; в) нестационарные процессы с характерными временами от секунд до часа.

Очевидно, что для адекватного теоретического описания плазмосферы и плазмоспаузы помимо модели ионосферы необходимы данные о глобальном распределении E и B полей на основе координированных измерений со спутников и на сети наземных станций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грингауз К. И., Безруких В. В. // Геомагнетизм и аэрономия. 1977. Т. 17. С. 784.
2. Кринберг И. А., Тацилин А. В. Ионосфера и плазмосфера Земли. М.: Наука, 1984. 189 с.
3. Ораевский В. Н., Конииков В. Н., Хазанова Г. В. Процессы переноса в анизотропной околосферной плазме. М.: Наука, 1985. 171 с.
4. Gringauz K. I. // Adv. Space Res. 1985. V. 5. P. 391.
5. Грингауз К. И., Безруких В. В., Афонин В. В., Бассоло В. С. // Магнитосферные исследования 1988. № 10. С. 27.
6. Gringauz K. I., Bezrukich V. V. // J. Atmosph. Terr. Phys. 1976. V. 38. P. 1071.
7. Maynard N. C., Grebowsky J. // J. Geophys. Res. 1977. V. 82. P. 1591.
8. Carpenter D. L. // J. Geophys. Res. 1978. V. 83. P. 45.
9. Ducreau P. M., Beghin E. C., Parrot M. // J. Geophys. Res. 1982. V. 87. P. 695.
10. Higel B., Lei W. // J. Geophys. Res. 1984. V. 89. P. 1583.
11. Грингауз К. И., Безруких В. В., Озеров В. Д., Рыбчинский П. Е. // Докл. АН СССР. 1960. Т. 131. С. 1301.
12. Serbu G. P., Mayer E. J. R. // J. Geophys. Res. 1970. V. 75. P. 6102.
13. Bezrukich V. V., Gringauz K. I. // J. Atmosph. Terr. Phys. 1976. V. 38. P. 1085.
14. Balsiger H. J. G., Young D. T. // Energetic ion composition in the Earth magnetosphere/Ed. R. C. Johnson. Tokyo, 1983. P. 195.
15. Lennartson W., Reasoner D. L. // J. Geophys. Res. 1978. V. 83. P. 2145.
16. Horowitz J. L., Chappel C. R. // J. Geophys. Res. 1979. V. 84. P. 7075.
17. Baugher C. R., Chappel C. R., Horowitz J. L. et al. // J. Geophys. Res. 1980. V. 7. P. 6557.
18. Reasoner D. L., Graven P. D., Chappel C. R. // J. Geophys. Res. 1983. V. 88. P. 7913.
19. Balsiger H. J. G. // Adv. Space Res. 1981. V. 1. P. 289.
20. Comfort R. H. // Adv. Space Res. 1986. V. 6. P. 31.

21. Chappel C. R., Fields S. A., Baugher C. R. // Space Sci. Instrum. 1981. V. 5. P. 477.
22. Shelley F. G., Sharp R. D., Johnson R. G. et al. // ISEE Trans. Geosci. Electron. GE-16. 1978. P. 266.
23. Comfort R. H., Waite J. H. Jr., Chappel C. R. // J. Geophys. Res. 1985. V. 90. P. 3475.
24. Taylor H. A. Jr., Brinton H. C., Pharo M. V. III // J. Geophys. Res. 1968. V. 73. P. 961.
25. Harris K. K., Sharp G. W., Chappel C. R. // J. Geophys. Res. 1970. V. 75. P. 219.
26. Geiss J., Young D. T. // J. Geophys. Res. 1981. V. 86. P. 4739.
27. Horowitz J. L., Comfort R. H., Chappel C. R. // Adv. Space Res. 1986. V. 6. P. 21.
28. Chappel C. R., Olsen B. C., Green J. L. et al. // J. Geophys. Res. 1982. V. 9. P. 937.
29. Kozyra J. U., Gravens T. E., Nagy A. F., Fontheim E. G. // J. Geophys. Res. 1984. V. 89. P. 2217.
30. Fraser B. J., Samson J. C., McPherron P. L., Russel T. C. // Adv. Space Res. 1986. V. 6. P. 223.
31. Hansen H. J., Scourfield M. W. J., Rash J. R. S. // Adv. Space Res. 1986. V. 6. P. 227.
32. Boskova J., Jiricek F., Smilauer J., Triska P. // Adv. Space Res. 1986. V. 6. P. 231.
33. Galeev A. A. // Physics of hot plasma in the magnetosphere Eds B. K. Hulqvist, L. Stenflo. N. Y.; L.: Plenum Press, 1975. P. 251.
34. Lemaire J. «Frontiers of the Plasmasphere» (Theoretical aspects), CABAY. Louvain-la-Neuve. 1985. P. 294.
35. Chappel C. R. // Res. Geophys. 1988. V. 26. P. 229.
36. Park C. G. // J. Geophys. Res. 1970. V. 75. P. 4249.
37. Evans J. V. // Planet. Space Sci. 1975. V. 23. P. 1611.
38. Marubashi K., Grebowsky J. H. // J. Geophys. Res. 1976. V. 81. P. 1700.
39. Vickrey J. F., Swartz W. E., Early D. T. // J. Geophys. Res. 1979. V. 84. P. 1310.
40. Иванов-Холодный Г. С., Михайлов А. В. // Геомагнетизм и аэронавигация. 1977. Т. 13. С. 47.
41. Banks P. M., Nagy A. F., Axford W. J. // Planet. Space Sci. 1971. V. 19. P. 1053.
42. Афонин В. В., Бецце П., Безруких В. В. и др. // Космич. исслед., 1984. Т. 22. С. 884.
43. Horowitz J. L., Mentneer S., Turnley J. et al. // J. Geophys. Res. 1986. V. 91. P. 8861.
44. Burch J. L., Winningham J. D., Blevins V. A. et al. // Space Sci. Instrum. 1981. V. 5. P. 455.
45. Winningham J. D., Burch J. L., Eaker N. // Space Sci. Instrum. 1981. V. 5. P. 465.
46. Anderson R. R. Частное сообщение.
47. Carpenter D. L. // Adv. Space Res. 1986. V. 6. P. 5.
48. Chappel C. R. // Rev. Geophys. 1972. V. 10. P. 951.
49. Nishida A. // J. Geophys. Res. 1966. V. 71. P. 855.
50. Brice N. // J. Geophys. Res. 1967. V. 72. P. 5193.
51. Wolf R. A., Mantjoukis G. A., Spiro R. V. // Adv. Space Res. 1986. V. 6. P. 177.
52. McIlwain C. E. // «Earth magnetospheric processes» (Ed. B. M. McCormac), Dordrecht: D. Reidel, 1972. P. 268.
53. Gallagher D. L., Graven P. D., Comfort // Adv. Space Res. 1988, V. 8, P. 15.
54. Gringauz K. I. // Space Sci. Rev. 1983, V. 34, P. 254.
55. Williams D. J. // Rev. of Geophys. 1987, V. 25, P. 570.
56. Frugra C. J., Yong D. T., Geiss J., Balsiger H. // Adv. Space Res. 1988. V. 8. P. 25.

Институт космических
исследований АН СССР

Поступила в редакцию
19.01.89